

ТЕАТР

Мастера грузинской сцены в Сухуми

После с триумфом прошедшей в Москве Декаде литературы и искусства Грузинской ССР многие ее участники разъехались по родным местам. И вот дорогие гости у нас в Сухуми. Это — ведущие артисты театра имени Марджанишвили — одна из замечательных актрис нашей страны народная артистка СССР лауреат Сталинской премии Верико Анджапаридзе и заслуженные артисты Грузинской ССР лауреат Сталинской премии Медея Джапаридзе, Эдигер Магалашвили.

В комедии прогрессивного испанского драматурга Александо Касона «Деревья умирают стоя» поставленной народным артистом Абхазской АССР и заслуженным артистом Грузинской ССР Лео Чедия состоялось выступление гостей, горячо принятых сухумскими зрителями.

Сюжет комедии Касона, сочетающей романтическую атмосферу с точностью бытовых деталей, ее милый юмор как нельзя лучше отвечают творческому почерку гостей. Они так играют, что игры не видно. Это полное и органическое слияние артистов с героями — людьми Испаннии, лирическими и бурно-темпераментными, веселыми и нежными. После спектакля один из зрителей, отдавая должное радиокомнаты наущники, сказал: «Большое спасибо». В его голосе было столько теплых нотаций, что слова эти нельзя было расценить только как общепринятую вежливость. Это была радость, которая невольно ищет выхода, когда соединяется с настоящим искусством. Такое же настроение охватило весь зал. Зрители стоя горячо благодарили прекрасных артистов.

Режиссер Л. Чедия сумел прочесть и понять пьесу Касона, ясно увидеть ее реальный и символический планы. Ведь всякая иллюзия — ложь, даже тогда когда она совершается с помощью поэзии и с благотворительной целью. А поэзия всегда правдива. Поэзия и ложь несовместимы. И в этом противоречии — конфликт пьесы, ее второй, символический смысл. Ниспровергнуть идею лжи в утешение, показать силу отважной любви, честной веры в человека — реальная задача постановщика и участников спектакля.

Роль простодушного сенатора Бальбо исполняет народный артист Абхазской АССР Н. Микашавидзе, расторопный секретарши Эллея — К. Долидзе, верно друга бабушки Хеновевы — народная артистка Абхазской АССР А. Санадзе, «вора у воров», Нышего, — И. Церетели. Сухумские артисты удачно ведут спектакль, в котором главные роли исполняют гости: Бабушки — В. Анджапаридзе, Марты-Изабеллы — М. Джапаридзе, Директора — Э. Магалашвили.

Втроем они составляют сыгранный ансамбль. Смело используя приемы сценической техники, они не боятся ярких красок, больших контрастов. При этом им не изменяет чувство меры, такта на самом высоком уровне творческой фантазии. Каждая роль, продуманная, законченная и отделанная в целом и в деталях, может быть примером работы, отмеченной подлинной театральностью культуры. Образ Бабушки, созданный Верико Анджапаридзе, сплетается в сложный узор из очаровательных подробностей характера старой испанской дамы. Здесь свои маленькие напризы и обаяние тонкого ума, остатки былого кокетства, неисчерпаемые силы благородной души. Поблекшее, доброе лицо Бабушки все еще красиво, а глаза совсем молоды, чисты.

Во втором акте зритель видит Бабушку в очей напряженный момент ее жизни. Приезжает любимый внук Маурисьо, которого она не видала двадцать лет. В первые мгновения встречи руки ее трепетно гладят дорогое дитя. Маурисьо не один, с ним молодая жена. Бабушка всматривается в Изабеллу, как бы желая определить, друг или враг перед ней. Нет, в искренности ласковой Изабеллы сомневаться нельзя. Любвино потчует она лакомствами внуков. Рюмочка вина, и переполненное счастьем сердце бьется чаще. В руках Бабушки зашелкали кастаньеты, горделиво возгласив став, она идет с внуками в синкопическом ритме танца... Но слишком много волнений в этот день. Боль, ножом возникшая в сердце, так сильна, что вздохом отзывается в зрительном зале.

Усталая, поблдевшая Бабушка, все еще счастливая, сидит в кресле, обнимая глазами дорогие лица.

Но вот над благодушным домом собираются грозные тучи. Появляется настоящий внук, прохлещ, негодай и вымогатель. Бабушка узнает правду. Сцену объяснения Бабушки с внуком Анджапаридзе проводит со сдержанным гневом. Грозное «оп!» заключает ее. Открытая ею истинная смертельная. Но как бы ни была горька правда, лучше она, чем принаряженная ложь.

Анджапаридзе удивительно сильно и психологически точно передает состояние душевного надлома страдающей Бабушки и одновременно показывает сохраняющуюся в ней веру в человека, несомненную волю в следующей сцене, когда Бабушка, обняв своего любимого друга Фердинанда, целует его, у всех на глазах происходит метаморфоза. Она вырастает, молодеет, стройная и легкая, исполненная трепетом жизни, как то палисандровое дерево, что растет за ее окном. Но это прощальный привет и зритель понимает: «Деревья умирают стоя».

Так раскрывает актриса идею автора.

Исполнение роли Директора усложняется для артиста тем, что ему приходится играть роль в роли. Директор, мнимый Маурисьо, вял на себя его роль из любви к искусству утешения. Магалашвили легко справляется с этой двойной игрой и создает своеобразный, живописный рисунок образа.

Широкий, свободный жест обличает в нем испанца. Стрем-

тельно двигаясь по сцене, Маурисьо — Магалашвили всегда оказывается там, где более всего нужен. С темпераментом и живостью у него, как дань времени, сочетается деловитость. Когда он загорается очередным заказом, пронизывающие глаза его пугают.

Посвятив себя благотворительному ремеслу, Директор считает, что чувствами воли давать нельзя. Он недоволен слишком искренней игрой Марты-Изабеллы. «Искусство делается здесь, — говорит он, указывая на лоб, — не тут», — и рука его ложится на щеку.

Вспомним, как крепко Маурисьо — Магалашвили обнимал Бабушку в день первой встречи, даже слишком крепко и для любящего внука, как громко восхищался невинным ему ореховым тортом и сколько он вкладывал изобретательности, чтобы поздравить старушку воспоминаниями детских лет. Это была настоящая школа притворства. Директор, влюбленный в искусство, считал тогда, что оно важнее жизни. Самоотверженная любовь Марты открыла ему глаза.

В третьем акте артист находит новые поэтические краски: янтации голоса становятся задушевные, движения мягче, осторожнее. Он любит и сочувствует. Этому научили его жизнь и правда. С первого акта уже можно предугадать, что Маурисьо и Марта полюбит друг друга. Медея Джапаридзе в этой роли — воплощение женственности. Магалашвили — мужественности. Они — прекрасная пара. Присутствие Медеи на сцене вносит в атмосферу действия свежесть весны. Ее роль звучит как песня, то лирическая нежная, то грустная, печальная. Руки Медеи — выразительны, как у балерины: они говорят, молят и просят, и движением пальцев отвергают, не соглашаются. Обладая счастливым даром артистического обаяния, артистка воплощает в образе Марты живые человеческие качества: искренность в горе, умение безотпихочно отделить хорошее от дурного, непимиримость ко лжи. В нравственной красоте ее облика выражена гуманистическая тема пьесы. Медея Джапаридзе с мастерством доносит ее до зрителя.

Спектакль «Деревья умирают стоя», в котором приняли участие мастера грузинской сцены, несомненно принес большую пользу нашим зрителям, так и его участникам, сухумским артистам.

Т. ШАЛАМБЕРИДЗЕ.